Вестник ПСТГУ
II: История.
История Русской Православной Церкви.
2016. Вып. 1 (68). С. 45–64

Андреев Андрей Юрьевич,
д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XIX — нач. XX в.
Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
проф. кафедры истории России и архивоведения
Исторического факультета ПСТГУ
andrejev-goetting@yandex.ru

Цыганков Дмитрий Андреевич,
канд. ист. наук, зав. кафедрой истории России и архивоведения
Исторического факультета ПСТГУ,
ст. науч. сотр. Исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова
tsdm@yandex.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКИХ ДИСЦИПЛИН И ПОДГОТОВКА ИСТОРИКОВ В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

А. Ю. АНДРЕЕВ, Д. А. ЦЫГАНКОВ

В статье исследуется место церковно-богословских дисциплин в структуре Московского университета начиная с его основания в 1755 г. и до 1917 г. Показано институциональное развитие в университете кафедр богословия и церковной истории, предусмотренных начиная с Устава 1804 г., даны портреты первых университетских профессоров, преподававших эти дисциплины. Особое внимание в статье уделяется изменениям в преподавании церковно-богословских дисциплин в Московском университете после введения в действие Устава 1863 г. и приходящейся на этот период деятельности протоиерея А. М. Иванцова-Платонова на кафедре церковной истории историко-филологического факультета. Изучаются попытки профессоров-историков передать преподавание церковной истории профессору, не связанному с духовными академиями на рубеже XIX—XX вв. Неудачный опыт решения этой проблемы привел к тому, что курсы церковно-исторического содержания так и не получили важного значения в программах подготовки историков в Московском университете.

Изучение преподавания церковно-богословских дисциплин в академическом пространстве России имеет определенную традицию¹. Однако фактически до сих пор отсутствует даже самый беглый обзор, посвященный институционализации преподавания этих дисциплин в Московском университете. Данная статья ставит целью восполнить такой пробел, делая при этом акцент на изучении препода-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14–01–00374 «Сообщество московских всеобщих историков в университетской и общественной жизни России 1835–1917 гг.».

¹ Среди современных работ по данной тематике выделяются фундаментальные труды Н. Ю. Сухой; см.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006; *Она же.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX века. М., 2009; *Она же.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012.

давания в университете церковной истории и той роли, которую этот курс со временем стал играть для специализированной подготовки студентов-историков.

Говоря в целом об истории преподавания богословских дисциплин в российских университетах, следует отметить, что в течение довольно длительного этапа (XVIII—начало XIX в.) богословие, церковная история и смежные с ними предметы находились вне системы университетских лекционных курсов. В этом заключалась одна из специфических черт университетов в России. И это притом, что само представление об университете приходит сюда вследствие длительного процесса, связанного с трансфером и адаптацией на русской почве идей и практик европейских университетов². В Европе же богословский факультет присутствовал в университетах повсеместно, считаясь самым высшим во внутри-университетской иерархии наук.

Причину такого кажущегося парадокса — отсутствия богословского факультета (и богословских дисциплин вообще) в ходе переноса в Россию институтов европейских университетов — следует искать в двух различных путях данного переноса. В ходе первого пути, который был намечен еще в XVII в., когда заимствование шло из католических университетов-академий Речи Посполитой, а также центральных и южных немецких земель, в России появились учреждения высшего образования. По своему внутреннему устройству и отношениям с государством и Церковью они были весьма близки к европейским университетам — с преимущественным преподаванием церковно-богословских дисциплин, на восхождение к которым была ориентирована вся образовательная программа (подобно тому, как это происходило в иезуитских университетах католической Европы). В России за такими учебными учреждениями закрепились названия православных академий и коллегиумов, особенно широко они распространились во второй половине XVII — начале XVIII в. в малороссийских землях³. В то же время в ходе XVIII в. в Россию проникли и представления об иных моделях университетского образования, свойственных уже эпохе Просвещения (здесь источником трансфера для России была преимущественно университетская среда протестантской Северной Германии). В них под влиянием просвещенческих идей богословие отступало на второй план по сравнению с юридическо-политическими науками, а затем — с предметами философского факультета, т. е., по современной терминологии, с естественными и гуманитарными науками. Именно преподаванию последних стало уделяться наибольшее внимание в большинстве «модернизированных» европейских университетов во второй половине XVIII — начале XIX в.⁴

Интересно, что в реформах Петра I еще не отдавалось однозначного преимущества протестантскому образованию (как иногда пишут), а просто указанные выше два пути развития высшего образования четко разделялись. Соглас-

² См.: Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / Общ. ред. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2012. С. 12–15.

³ См.: *Посохова Л. Ю.* На перехресті культур, традицій, епох. Православні колеґіуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків, 2011.

⁴ См.: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 173–302.

но присущим ему утилитарным взглядам Петр I в 1721 г. передал православные академии и коллегииумы в ведение Святейшего Синода, поставив перед ними прикладные задачи по подготовке будущих священников из духовного сословия. Когда же речь зашла об обучении лиц других сословий, Петр из принципа справедливой экономии исключил из него церковно-богословские предметы, которые и так уже преподаются в училищах, подведомственных Синоду.

Лучше всего это проявилось в тексте указа от 28 января 1724 г. об основании Санкт-Петербургской Академии наук, где, в частности, описывалось преподавание в так называемом Академическом университете: в нем были предусмотрены лекционные курсы по трем традиционным еще со Средневековья факультетам европейских университетов — юридическому, медицинскому и философскому (при этом сама Академия наук делилась более соответственно эпохе Просвещения на классы физических, математических и гуманитарных наук). Что же касается четвертого «традиционного» факультета — богословского, то Петр I хотя и признает его существование вообще в европейских университетах, но применительно к данному случаю указывает: «Факультет Теологии здесь отставляется, и попечение о том токмо Синоду предается»⁵.

Этой же, заложенной Петром I линии по исключению церковно-богословских дисциплин из университетского преподавания последовали и при основании в 1755 г. Императорского Московского университета. М. В. Ломоносов и И. И. Шувалов, которым принадлежит авторство «Проекта об учреждении Московского университета», определявшего структуру преподавания в нем вплоть до начала XIX в. В четвертом параграфе этого «Проекта» его авторы полностью опираются на упомянутый выше петровский указ 1724 г., практически цитируя его: «Хотя во всяком университете кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду»⁶.

Правда, богословский факультет Московского университета в последующие десятилетия фигурировал в проекте его Устава, составленном в 1767 г., а также в распоряжениях Екатерины II от 1765 и 1773 гг. в связи с подготовкой студентов-богословов в европейских университетах. Предложение создать в Московском университете богословский факультет в 1773 г. было поддержано несколькими членами Святейшего Синода, но в итоге не реализовано, а вылилось в реформу преподавания в Московской славяно-греко-латинской академии, которая с конца 1770-х гг. по учебным программам значительно сблизилась с университетом⁷. Окончательный же отказ от включения этого факультета в структуру российских университетов содержался в указе Екатерины II от 29 января 1786 г. со ссылкой на уже созданную предшествующими российскими правителями традицию: «По правилам от предков наших принятым и от нас свято наблюдаемым, учение

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. VII. № 4443 (п. 14).

⁶ ПСЗ РИ. Т. XIV. № 10346.

⁷ См.: *Александренко В. Н.* Проект Богословского факультета при Екатерине II. 1773 г. // Вестник Европы. 1873. Т. 6. № 11. С. 301–316; *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 471–472, 482.

Богословия присвоено Училищам Духовным»⁸. В связи с данным указом можно привести характерное мнение, высказанное в начале XX в. историком С. В. Рождественским, о том, что именно этот отказ Екатерины учредить богословский факультет не позволил придать российскому университетскому образованию «ту органическую цельность и законченность, какой оно не имеет доселе»⁹.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. окончательно складываются две традиции преподавания в отечественном высшем образовании — одна живет в рамках православных академий, где ведется изучение церковно-богословских дисциплин, а также ряда гуманитарных и естественнонаучных предметов, которые считаются подготовительными; вторая представлена в Московском университете, где гуманитарные и естественные науки преподаются в широком спектре, но церковно-богословские предметы не читаются вовсе. Подчеркнем, что эти две традиции не только противостояли друг другу, но и испытывали активное взаимное воздействие — академии под влиянием университетов расширяли преподавание, «вбирая» в себя все более широкий круг университетских наук, в свою очередь преподавательский состав университетов регулярно и в значительном количестве пополнялся выпускниками православных академий¹⁰.

Противостояние этих двух традиций изначально не допускало возможности создания отдельных кафедр по церковно-богословским дисциплинам внутри Московского университета. Действительно, в начале XIX в. здесь числился только преподаватель Закона Божьего (и одновременно настоятель университетского храма св. Татианы) известный московский священник и просветитель Петр Алексеев, причем занятия он вел с учениками гимназии и Благородного пансиона, входившими в состав Московского университета, но отнюдь не со студентами. Тем не менее благодаря деятельности Алексеева возникла традиция ставить настоятелем университетского храма священника, склонного к научным трудам, способного возбудить интерес паствы к богословским вопросам собственным примером.

Система занятий в университете, однако, резко изменилась в ходе образовательных реформ Александра I, которые выступили новым этапом в процессе трансфера и адаптации университетских идей в России. На этом этапе вновь были переосмыслены задачи и содержание университетского преподавания. В 1804 г. был принят университетский Устав, разработанный в качестве общего для всех университетов собственно российских губерний (католические литовские и протестантские остзейские области получили особые Уставы для своих университетов). Согласно этому Уставу вводилась новая факультетская структура университета, предусматривавшая среди прочих факультет (отделение) нравственных и политических наук. Хотя его идея, объединявшая вместе философские, политические и юридические предметы, была заимствована из революционной Франции, но именно создание такого факультета дало в России возможность среди прочих «нравственных наук» предусмотреть также две особые

⁸ ПСЗ РИ. Т. XXII. № 16315.

⁹ *Рождественский*. Указ. соч. С. 313.

¹⁰ См.: *Сухова*. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. С. 44–48.

церковно-богословские кафедры: 1) догматического и нравоучительного богословия, толкования Священного Писания и 2) церковной истории¹¹.

Однако практика первых лет воплощения реформы показала, что замещение этих кафедр не считалось приоритетным. И в Московском университете, и в основанных вновь российских университетах в Казани, Харькове, а позже в Петербурге эти кафедры долгое время оставались вакантными. В Москве, впрочем, преподавание церковной истории открылось раньше других университетов, а именно в 1810/1811 г. С этого учебного года лекции по данной кафедре нравственно-политического факультета начал читать ординарный профессор Михаил Матвеевич Снегирев, сын священника, выпускник Троицкой (лаврской) семинарии и воспитанник московского митрополита Платона. В объявлении о преподавании наук в Московском университете за 1810 г. говорилось, что Снегирев три раза в неделю читал лекции по «церковной истории первых веков Нового Завета, пользуясь источниками наилучших учителей, и особенно Греческих». На следующий год о лекциях Снегирева было сказано, что он «предложит кратко сущность и порядок первых веков Церковной истории Нового Завета, начнет сию Историю с VI века и продолжит до новейших времен»¹². Известно также, что в качестве пособия по своему курсу Снегирев составил «Руководство к Церковной истории», но все его экземпляры в пожаре 1812 г. вместе с библиотекой и личными вещами профессора погибли¹³. Поэтому на настоящее время никаких материалов о преподавании данного курса не сохранилось.

С образованием во второй половине царствования Александра I Министерства духовных дел и народного просвещения преподаванию церковно-богословских дисциплин в университетах стали уделять гораздо больше внимания. 22 февраля 1819 г. вышел циркуляр министра князя А. Н. Голицына об обязательном открытии во всех университетах лекционных курсов для «приобретения достаточных сведений в богопознании и христианском учении, только существенных и необходимо нужных для каждого человека вообще», причем профессор для данного преподавания не избирался университетским Советом (как требовала обычная процедура Устава 1804 г.), а представлялся «духовным начальством» на утверждение министра¹⁴. Таким образом, с сентября 1819 г. в Московском университете наконец оказалась задействована и кафедра догматического и нравоучительного богословия (к которой тогда же фактически присоединили и кафедру церковной истории). Она была поручена священнику Григорию Левитскому — выпускнику Санкт-Петербургской духовной академии, прошедшему там подготовку у будущего московского митрополита Филарета.

¹¹ См.: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002. С. 281–282.

¹² Index Lectionum Academicarum in Universitate Litterarum Caesarea Mosquensi ab Die XVII Aug. Anni 1810 ad Diem XXX Jun. Anni 1811. Mosquae, 1810. P. 2; Объявление о публичных лекциях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1811 августа 17 дня, по назначению Совета. М., 1811. С. 2.

¹³ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Т. 2. С. 422.

¹⁴ См.: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1834. СПб., 1866. С. 347–348.

Впрочем, ученому священнику (Левитский был автором сочинения «О свойствах духовного просвещения и нравственных качествах ищущих оно») не удалось благополучно совмещать университетское преподавание и церковное служение в своем храме (Покровская церковь в Левшине, в районе Пречистенки). В результате в 1824 г. обязанности профессора богословия и церковной истории возложили сначала на архимандрита Московского Богоявленского монастыря Иннокентия (Платонова), а затем, в 1827 г., — на выпускника Московской духовной академии священника Петра Терновского, поручив тому одновременно настоятельство в храме при университете.

С именем Терновского связан весьма длительный период в истории преподавания богословия и церковной истории в Московском университете. Характерно, что за свое долгое служение в университете Терновский успел даже побывать один год (1834/1835) на должности декана нравственно-политического факультета, создав редчайшую в российских университетах ситуацию, когда духовное лицо оказывалось начальником над «светскими» профессорами, решая текущие учебные дела (в том числе руководя приемом экзаменов) по множеству предметов, весьма далеких от богословия.

О. Петр продолжил свою деятельность и после принятия нового Устава (1835), общего для российских университетов. Поскольку этим Уставом возвращалась «традиционная» университетская структура из юридического, медицинского и философского факультетов (последний, правда, состоял из двух отделений — историко-филологического и физико-математического, которые вскоре стали отдельными факультетами), то преподавание богословия вновь, как и в XVIII в., оказалось вне этой структуры. Но теперь данная проблема была решена, и притом совершенно особым образом. Во всех российских университетах учреждалась кафедра «догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законовещения», которая не принадлежала ни к одному факультету и посещение занятий по которой было обязательно для всех студентов православного вероисповедания. В качестве «внефакультетской» кафедра богословия продолжала существовать в российских университетах и согласно их новым Устам 1863 и 1884 г., хотя существенным нововведением Устава 1863 г. явилось то, что преподавание церковной истории было отнесено теперь на отдельную кафедру историко-филологического факультета, а преподавание церковного права — на соответствующую кафедру юридического факультета.

Возвращаясь к преподаванию Терновского, заметим, что современные исследователи высоко оценивают значение его научных трудов, ставших определенным прорывом из «старого» богословия¹⁵. Однако построенная Терновским система чтений лекций по богословию в университете была очень своеобразной. Для юристов он читал трехлетний курс: догматическое богословие по собственным разработкам на первом курсе¹⁶, нравственное богословие по «Катехизису»

¹⁵ См.: *Сухова Н. Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе в России // *Филаретовский альманах*. Вып. 9. М., 2013. С. 140–141.

¹⁶ См.: *Терновский П. М.* Богословие догматическое, или Пространное изложение учения веры православной кафолической Восточной Церкви. М., 1838; 1839; 1844. Именно эту часть его лекций высоко оценивали его студенты. Так, Гончаров вспоминал: «Упомяну еще о про-

московского митрополита Филарета на втором курсе, историю церковного права с элементами истории Вселенской и Русской Церкви¹⁷ — на третьем. В один учебный год профессор читал церковное право и либо догматическое, либо нравственное богословие. И если юристы могли ознакомиться с течением времени со всеми курсами профессора, то представители других факультетов попадали либо на догматическое, либо на нравственное богословие в зависимости от того, какой предмет читался в черед для юристов (все факультеты, кроме юридического, слушали богословие один год). На переводных экзаменах студентов вместе с профессором, как правило, присутствовал архиерей¹⁸.

Отношения студентов с Терновским не сложились. Во-первых, присутствовало личное неприятие студентами, все более и более усваивающими нормы

фессоре богословия, священнике Терновском. Это был не то что “добрый батюшка”, а настоящий строгий профессор... Он читал скоро и много: в час начитает листов шесть писанных и, кончая, даст программу прочитанного» (*Гончаров И. А.* Воспоминания. В университете. Как нас учили сорок лет назад // *Собрание сочинений. М., 1954. Т. 7. С. 220*).

¹⁷ Именно этот курс вызывал наибольшие нарекания. Так, А. Н. Афанасьев вспоминал: «На четвертом курсе нашего факультета он читал “Церковное право”, но, увы, как читал! Будучи без всякого юридического образования, он нисколько не понимал ни важности, ни интереса порученной ему науки. Все лекции его ограничивались много-много 30-тью писанными листами. Ему назначено было в расписании читать два часа в неделю; но он приходил так поздно (и уходил всегда прежде конца), что едва ли просиживал более часа. В лекциях о церковном праве он изложил нам подробно постановления вселенских и поместных соборов и святых отцов, сказал несколько слов о сборниках канонических узаконений в Византии, причем сурово отзывался о папах и их властолюбии, коверкая их имена, наприим., вместо Урбана — Урван. Одного какого-то папу и похвалил: “То был человек добросовестный, но, к сожалению, он через две недели после занятия папского престола скончался”. Мы заподозрили, что если б и другие так же скоро умирали, то заслужили б не менее лестный отзыв нашего преподавателя. Далее он кратко касался постановлений, и без всякой системы, о церковных поземельных имуществах, браке священства и проч. Тут считал он обязанностью коснуться истории, но обнаружил полное с нею незнакомство. Владимир Св[ятой], Иоанн Грозный и Петр Великий — вот три лица, о которых он упомянул, перескакивая от одного к другому через целый ряд годов и удивляя нас своими смелыми скачками. Он не показал нам ни исторического развития иерархии, ни отношений между властями, ее составляющими, ни учрежденный Синода и консисторий, ни ответственности духовных лиц: даже не объяснил порядочно юридической стороны брака, а остановился на этом акте, доказывая, что брак есть таинство. Хорошо, да дело не в том, какие есть постановления о вступлении и расторжении брака, и как судятся спорные дела в этом случае. Словом, лекции эти были из рук вон плохи, что, кажется, понимал и сам Терновский. Помню один случай: Терновский прочитал (на 4-м курсе читал он всегда по тетрадке) нам лекцию и на другой час хотел отправляться домой, как в аудиторию вошел попечитель Голохвастов и уселся слушать. Терновский, нисколько не затрудняясь, начал снова читать то, что сейчас окончил, и заставил нас вторично прослушать составленный им вздор» (*Афанасьев А. Н.* Московский университет (1844—1848 гг.) // *Московский университет в воспоминаниях современников. 1755—1917. М., 1989. С. 261—262*).

¹⁸ А. Н. Афанасьев вспоминает присутствие викарного архиерея Иосифа: «Во время экзаменов (1-го курса) из богословия присутствовал в университете викарный архиерей Иосиф: вызвали меня, и как теперь помню, какой спор завязался между Терновским и викарием по случаю ответа моего, слово в слово взятое из лекции Терновского: один доказывал, что Христос сходил в ад в славе, а другой — что в уничтожении. Вот вам и средневековая схоластика» (*Афанасьев. Указ. соч. С. 262*). Б. Н. Чичерин рассказывает о присутствии митрополита Филарета — см. сноску 22.

дворянской культуры, человека из семинарской среды, которую в университетском мире недолюбливали: «Терновский — грубый, самолюбивый и вполне проникнутый семинарским духом поп, говорил в нос и неприятно», — вспоминал А. Н. Афанасьев¹⁹. Ему буквально вторил Б. Н. Чичерин: «Самая личность профессора, университетского священника Петра Матвеевича Терновского, не внушала никакого сочувствия. Он имел строгий вид, говорил в нос, своими маленькими, хитрыми глазками беспрестанно осматривал аудиторию, замечая, кто ходит на лекции, а иногда делал резкие выговоры студентам»²⁰.

Во-вторых, студенты отмечали, что лекции Терновского усваивались формально из страха получить единицу на годовом экзамене, из-за которой их могли не перевести на следующий год. «Отметкам его придавали особый вес. Получивший у него единицу не переводился на следующий курс... Его подробные ученые и сухие лекции как-то мало вязались с жизнью. Они выучивались к экзамену и потом забывались»²¹. О том же писал Чичерин: «Я очень усердно следил за курсом и знал его отлично. Когда на экзамен опять приехал митрополит и меня, в числе некоторых других, вызвали вне очереди, я так хорошо отвечал на попавшийся мне весьма трудный билет, что Филарет сделал мне комплимент, а Терновский поставил мне пять с крестом — дело в университете неслыханное. Но результатом этого изучения было то, что я внутри себя к каждому вопросу относился критически, и скоро все мое религиозное здание разлетелось в прах; от моей младенческой веры не осталось ничего»²².

В общем, талантливым педагогом Терновский не был, а совмещение должности настоятеля университетского храма, вынужденного налагать дисциплинарные наказания прежде всего на казеннокоштных студентов за небрежение христианской жизнью, вызывало подозрительное отношение к нему молодежи и устойчивую негативную репутацию.

В результате к эпохе «оттепели» 1850-х гг. система Терновского устарела. Ему на смену в 1858 г. пришел отец Николай Сергиевский. Имевший за плечами обучение в Московской и Санкт-Петербургской духовных академиях, а затем и преподававший там, профессор полностью переменил систему построения лекций в университете. Точнее, он полностью отказался от всякой системы, предлагая студентам лекции-проповеди по широко обсуждавшимся в обществе вопросам веры. Курсы Сергиевского стали курсами апологетики христианства с точки зрения современного православного богословия (см., например, названия широко известных курсов Сергиевского 1871/1872 гг.: «Об основных истинах христианства» и «О библейской истории творения мира в связи с естественной историей»).

Главным для Сергиевского были не знания студентов (которых у универсантов, вышедших из духовного сословия, было больше, чем требовал профессор, а у гимназистов их не прибавлялось и после университетских занятий с профессо-

¹⁹ Афанасьев. Указ. соч. С. 261.

²⁰ Чичерин Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989. С. 391.

²¹ Гончаров. Указ. соч. С. 220.

²² Чичерин. Указ. соч. С. 391.

ром), а заинтересованность в этих вопросах студентов в дальнейшей жизни. Интересно сравнить оценку преподавательской деятельности профессора студентом, выходцем из семинарии, и студентом, выходцем из гимназии. Выпускник пензенской семинарии, студент В. О. Ключевский, рисуя лекции Сергиевского в 1861 г., писал однокашнику по семинарии В. В. Холмовскому: «Разумеется, в его лекциях не нужно искать варламовских (ректор семинарии и Пензенский епископ. — А. А., Д. Ц.) глубин; их нет у него. Зато он всегда умеет оживить их современным интересом, какой имеют для нас те или иные богословские истины. Лекции его знакомят нас не только с современной богословской, но и философской наукой, потому что он всегда ставит ту или другую истину богословскую глаз на глаз с философскими мнениями, не боясь, что окажется несостоятельным перед этими мнениями философских голов. Он смело вышел против Фейербаха, закоренелого современного материалиста, отвергающего Бога, душу и все духовное, не побоялся изложить его учение и твердо отвечал на все его антирелигиозные положения... Оттого-то так и живы лекции Сергиевского, что в них чувствуется нынешняя мысль, нынешний интерес, а не допотопные глубины Варлаама»²³. А вот какие воспоминания о Сергиевском оставил И. И. Янжул, слушавший преподавателя в 1864 г. и сам впоследствии ставший профессором: «Конечно, из профессоров на первом курсе первое место занимает всеобщий профессор для всех четырех факультетов — богословия, — в мое время весьма почтенный протоиерей Сергиевский, несомненно, человек весьма образованный и корректный, ровный, спокойный, с хорошим даром слова, но который, к сожалению, не мог справиться со своей трудной задачей — знакомить многочисленную молодежь, вовсе не проникнутую, как это встречается за границей, хотя бы в Англии, религиозным чувством и вовсе не желавшую учиться. Мне неизвестно, как богословие преподается в других наших университетах, но в Московском — в мое время оно преподавалось исключительно почти в полемической форме. Ввиду безбожия, развитого тогда особенно сильно в русском обществе и пропагандируемого в печати, московский профессор взял на себя непосильную Сизифову работу воевать и опровергать не только противников православия, но всяких безбожников, где бы они ни оказались — в философии, естественных науках, наконец, в русской журналистике. Сегодня он воевал, например, с Шопенгауэром или Фихте, завтра с Дарвином или Геккелем, послезавтра с Бюхнером и Фейербахом, а затем с выходками «Современника» или «Русского слова» и т. д. и пр. Отсюда получался понятный результат: почтенный наш богослов не в состоянии справиться со столькими противниками и лжеучителями и в конце концов «ослаб и изнемог»... т. е. все оставалось незаконченным, а собственно в области богословия, пройдя университет, мы не получили никакого понятия и только задавались тщетно вопросом — зачем у нас убито столько времени без всякой существенной пользы для наших знаний»²⁴.

Таким образом, и тот, и другой студент свидетельствуют об отсутствии узкой специализации у профессора, энциклопедичности знаний Сергиевского. И если

²³ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 16.

²⁴ Янжул И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1901 гг. М., 2006. С. 49.

для семинариста, имеющего базу в виде семинарского преподавания, научная апологетика христианства вызывает восторг и чувство новизны, то гимназист, не освоив азы семинарской богословской науки, не может оценить значение такого подхода.

Понятно, что такое преподавание было тупиковым. Судя по всему, это хорошо понимал и сам Сергиевский, начавший (вероятно, вместе с ректором С. М. Соловьевым) искать соратника в Московском университете. Таковым стал Александр Михайлович Иванцов-Платонов, служивший в Московском университете в эпоху двух уставов — 1863 и 1884 гг.

11 марта 1872 г. священник Александр Иванцов-Платонов был избран экстраординарным профессором Московского университета по кафедре церковной истории. Это было неслучайно. По большому счету именно он — последний из студентов Московской духовной академии, получавший стипендию московского митрополита, — стоял у истоков создания трех церковно-богословских кафедр в российских университетах, появившихся по Уставу 1863 г. В 1862 г., будучи тогда еще бакалавром (что равносильно должности доцента) кафедры новой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, Иванцов-Платонов опубликовал статью «О преподавании богословских наук в наших университетах»²⁵, возможно учтенную при составлении окончательной редакции университетского устава 1863 г.²⁶ В этой статье он подчеркивал, что утилитарное существование одной церковной кафедры в университете, где ее главное назначение — усиление дисциплины в среде балагуриящих студентов, а также быстрое их ознакомление с основами по догматическому богословию, апологетике, древней и русской истории Церкви с обращением к каноническому праву — ведет к обесцениванию богословской науки в глазах общества и университетских студентов: «Мы не принадлежим к числу тех людей, которые в видах обеспечения общественного спокойствия и порядка хотели бы наложить внешний благочестиво-нравственный колорит на науку, на искусство и все другие проявления общественной жизни. Мы не думаем и того, чтобы можно было улучшить общественную нравственность, усилить религиозно-нравственное направление в обществе только введением как можно большего числа представителей внешнего благочестия в наши учебные заведения. Мы убеждены, что учебные заведения, и преимущественно высшие, только тогда будут достигать своей настоящей цели, когда в них будут иметь в виду прежде всего главным образом науку; а наука, в свою очередь, только тогда может приносить добрые плоды для общественной жизни, когда преподавание ее в своем духе и направлении определяется живым сознанием ее собственных прав и самостоятельности, а не сторонними какими-либо практическими целями и соображениями»²⁷.

²⁵ [Иванцов-Платонов А. М.] О преподавании богословских наук в русских университетах // Православное обозрение. 1862. Т. 8. № 5. С. 33–63.

²⁶ Одна из последних работ на эту тему: Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 98–211.

²⁷ [Иванцов-Платонов А. М.] О преподавании богословских наук в русских университетах. С. 34–35.

Вопрос, над которым думал о. Александр, заключался в том, как посеять интерес русских студентов и общества к богословской науке, находящейся вне поля их зрения. Инструментом для решения этой проблемы становился поиск ученых, способных это сделать. Иванцов-Платонов не очень верил в наличные ученые силы духовных академий рубежа 1850–1860-х гг. Он считал, что у бакалавров духовных академий (к таковым он относил близких себе ученых) не было нужной подготовки для того, чтобы успешно на современном уровне заниматься изучением истории Церкви, в то время как у богословов «старой школы» — профессоров — отсутствовали нужные «свойства» для реализации такого призвания. Выход Иванцов-Платонов видел в том, чтобы выпускников духовных академий отправлять в научные стажировки в Европу, преимущественно в немецкие университеты²⁸.

Ученая карьера Иванцова-Платонова в Санкт-Петербургской духовной академии не сложилась. Видя, что ему не хватает знаний для преподавания, Александр Михайлович уволился из академии, вернулся в Москву, где митрополитом Филаретом был рукоположен сначала в диаконы, потом — в священники. Его местом службы стало Александровское военное училище, где он был законоучителем; позже его также пригласили преподавать Закон Божий в гимназии Л. И. Поливанова.

В Москве Иванцов-Платонов продолжил активно сотрудничать с журналом «Православное образование», обращая пристальное внимание на вопросы благотворительности, христианской взаимопомощи, христианского просвещения в широком смысле слова. В журнале о. Александр проявил себя знатоком истории Церкви, публикуя большое количество рецензий, посвященных современной литературе по этой проблематике²⁹. Возможно, именно благодаря этим работам, а также по ходатайству соредактора и профессора кафедры богословия Московского университета Н. А. Сергиевского и по предложению Н. А. Попова, зятя С. М. Соловьева, Иванцов-Платонов в 1872 г. был приглашен на кафедру истории Церкви Московского университета.

Текущее положение этой кафедры было сложным. Во-первых, до начала 1870-х гг. на нее не могли найти специалиста, тратя время на выяснение, какому ведомству — Министерству народного просвещения или Святейшему Синоду — надлежит подыскивать кандидатов для замещения вакантной кафедры и какими компетенциями он должен обладать. Во-вторых, не решенным оставался вопрос, каким образом готовить будущих профессоров при наличии вакантных мест.

Историко-филологические факультеты университетов не могли присваивать магистерские и докторские степени по церковной истории, что было прерогативой духовных академий. При этом университетские корпорации (в отличие от периода XVIII — начала XIX в.) не желали видеть в своих рядах предста-

²⁸ См.: [Иванцов-Платонов А. М.] О преподавании... С. 50. О реальном опыте стажировки богословов в 1860-е гг. см.: *Сухова Н. Ю.* Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный. М., 2007. С. 183–184.

²⁹ См.: *Русская церковно-историческая литература* // ПО. 1869. Т. 2. № 8. С. 172–188; *Взгляд на прошедшее и надежды на будущее* (От редакции к читателям и сотрудникам) // ПО. 1870. Т. 1. № 1. С. 1–31; № 2. С. 195–243.

вителей духовных академий³⁰. Профессорам-историкам казалось, что вопросам истории Церкви уделяется достаточное внимание в различных курсах всеобщей и русской истории³¹, а русские клирики не могут быть объективными учеными. Сами же представители духовных академий не спешили занимать кафедры, зная о сложностях во взаимоотношениях с коллегами и студентами; кроме того, до появления нового академического Устава 1869 г. академии не могли предложить специалистов с серьезной церковно-исторической подготовкой, что и объясняло вакантность кафедр.

У Иванцова-Платонова было свое видение проблемы замещения кафедры истории Церкви в университете. Профессор ратовал за то, чтобы в светских университетах стали бы возможными защиты диссертаций по истории Церкви. Подготовку кандидатов для занятий кафедры он предлагал вести совместными усилиями университетского профессора кафедры церковной истории и профессоров духовных академий, в которой будущий университетский профессор должен был в обязательном порядке прослушать определенный набор курсов. При этом формирование исследовательских навыков будущего ученого Иванцов-Платонов считал нужным отнести на время заграничной стажировки³².

Главный вопрос, которым задавался Иванцов-Платонов — что может дать русская православная историческая наука для изучения истории Церкви? Сам он считал, что позднее вхождение русских ученых в научный мир Европы дает определенные преимущества. История Церкви связана с богословскими догматами и философскими предпочтениями, нравственным выбором историка, следовательно, она может формировать и искаженную картину церковного прошлого. Как следствие, сложившуюся схему церковной истории не надо в готовом виде искать в современной европейской церковно-исторической науке. На долю «православного» историка, таким образом, выпадала задача синтеза церковной истории на основе критического подхода ко всем традициям, навязывавшим истории Церкви посторонние идеи.

Иванцов-Платонов считал, что, отказавшись от предвзятых идей, русский историк по-новому и творчески сможет подойти к изучению ранней христиан-

³⁰ Подробнее см.: *Герасимов Олег, диакон*. История Церкви в системе научных дисциплин в российских университетах XIX в. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2008. Т. 1. С. 353–358.

³¹ См.: Там же. С. 355. Со временем административные разъяснения о способе замещения кафедры истории Церкви последовали от министра Д. А. Толстого, бывшего одновременно и обер-прокурором Св. Синода: «Для занятия кафедры Церковной Истории прежде всего необходимо высшее богословское образование». Претендент должен «правильно излагать перемены в судьбах Церкви, возникавшие в свете ее учения, принятие одних и отвержение других», что «возможно только при значительном запасе сведений из курса богословских наук и привычке обращаться мыслию в этом кругу». Рекомендации были усилены требованием назначать на вакантные кафедры преимущественно выпускников «церковно-исторического отделения» академий (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6998. Цит. по: *Герасимов Олег, диакон*. Указ. соч. С. 356).

³² См.: Мнение о замещении кафедр церковной истории в университетах // Православное обозрение. 1874. Т. 1. № 2. С. 100–104. По большому счету эта статья была модификацией воззрений о. Александра более ранней эпохи: О соединении духовных академий с университетами // Православное обозрение. 1871. Т. 1. № 1. С. 82–109.

ской литературы и истории ранних христианских общин. В принципе, сам Иванцов сделал это в своей докторской диссертации, дав анализ ересеологической литературы, проанализировав в своей работе в том числе и недавно открытый наукой труд Ипполита Римского «Философумены». Эту же линию в «Православном обозрении» развивал друг и коллега Иванцова-Платонова — протоиерей Петр Алексеевич Преображенский³³. В приложении к журналу «Православное обозрение» он впервые опубликовал без купюр источники по истории раннего христианства со своими комментариями³⁴.

Формирование устойчивого интереса к истории Церкви у студентов университета Иванцов считал главной задачей профессора кафедры церковной истории. Вероятно, ему было понятно, что светским профессорам проще находить контакт со студентами университета и двигаться в фарватере последних (актуальных) научных тенденций. Кроме того, Иванцову, который участвовал в собраниях Психологического общества при Московском университете, очень хотелось, чтобы представители интеллигенции обращались к вопросам истории Церкви. Скажем, доклад В. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания»³⁵, сделанный в Психологическом обществе в 1891 г., надолго определил повестку дня по проблемам истории Церкви в среде, близкой к университету, вызвав резко негативную реакцию представителей духовных академий.

В результате, исходя из практического понимания положения кафедры церковной истории в университете, Иванцов-Платонов решил сделать своим преемником на кафедре «светского» историка — Михаила Сергеевича Корелина.

4 сентября 1894 г. Иванцов-Платонов письмом известил Корелина о желании видеть того у себя, а 5 сентября при встрече предложил молодому университетскому коллеге взять на себя обязанность преподавания церковной истории в университете. 21 сентября Иванцов-Платонов сделал официальное заявление в Совете университета, что он прекращает преподавание и хотел бы видеть своим преемником в качестве преподавателя истории Церкви Корелина³⁶.

В этом выборе нельзя не учитывать личную мотивацию Иванцова-Платонова при назначении преемника. Он хорошо понимал, что главным претендентом на кафедру церковной истории в Московском университете, если на ней не окажется близкий к университетской корпорации человек, станет представитель профессорской корпорации Московской духовной академии — этого-то он и не хотел допустить.

Предложение Иванцова-Платонова для профессуры кафедры всеобщей истории Московского университета было очень заманчивым. Во-первых, у историков появилась бы новая кафедра, профессор которой читал бы специализирующие курсы для студентов исторического отделения, чего требовала программа развития исторического отделения историко-филологического факуль-

³³ Апологетическая деятельность древней церкви и ее значение для настоящего времени // Православное обозрение. 1866. № 11, 12; Апокрифические сказания о жизни Господа Иисуса Христа и Его пречистой Матери // Православное обозрение. 1860. № 1, 3 и др.

³⁴ Сочинения древних христианских апологетов. Т. 1–8. М., 1864–1867.

³⁵ Соловьев В. С. Об упадке средневекового миросозерцания // Избранное. М., 1990.

³⁶ Дневник М. С. Корелина (ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2202. Оп. 3. Ед хр. 1. Л. 41–41 об.).

тета³⁷, то есть появилась бы специализирующая университетская кафедра, занятая историком. Во-вторых, поскольку на кафедре истории Церкви оказался бы ближайший ученик главы московских историков В. И. Герье М. С. Корелин, то речь могла идти о концентрации вопросов по истории Церкви, ранее включенных в различные курсы, преподаваемые на кафедре, в рамках специального церковно-исторического курса. При этом сохранялся бы план подготовки студентов исторического отделения. В-третьих, это подняло бы престиж Корелина в университете, принесло ему ординарную профессиру.

Впрочем, у этого смелого эксперимента был большой элемент риска. Кафедра для Корелина, безусловно, продолжала бы оставаться «пересадочной» — он ждал вакансии на кафедру всеобщей истории, поскольку на кафедре истории Церкви невозможно было готовить кандидатов для замещения профессорских должностей и, следовательно, иметь учеников, что было очень важно для последователей круга Герье. Кроме того, не очень понятно, насколько внутренний мир Корелина подходил для подобного профессорского служения. Как у представителя демократической интеллигенции 1870-х гг., у него было очень критическое отношение к церковной повседневности, прежде всего к духовному сословию как определенной социальной группе русского общества, унаследовавшей многие дореформенные черты³⁸. При серьезных контактах с представителями ученого мира из среды духовенства у Корелина вызывали резкое неприятие как архиереи Российской Православной Церкви, так и церковный народ, веру которого он считал чем-то культурно устаревшим. Отдавая должное Церкви как культурной силе эпохи Средневековья, сформировавшей новую нравственность, создававшей систему образования в Европе, Корелин в целом смотрел на нее как на социальный институт старого порядка. Допуская наличие в Церкви «прогрессивных» деятелей в современную эпоху, он полагал, что она сдерживает формирование индивидуальности человека, то есть противостоит одной из господствующих тенденций нового времени.

Подобные взгляды Корелина не были тайной для знакомых с его трудами. Поэтому решение Иванцова-Платонова видеть его своим преемником мгновенно вызвало сопротивление. В церковной печати появились слухи об атеизме Корелина, что сыграло существенную роль при решении вопроса о его возможном назначении в Министерстве народного просвещения в начале 1895 г.

В итоге на место Иванцова-Платонова был назначен профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев. Для последнего должность была синекурой. Он радовался тому, что подготовка кратких исторических курсов в Московском университете не будет занимать у него слишком много времени, и он сможет сосредоточиться на решении дел, связанных с публикацией своих трудов. Вопросы, связанные со значением кафедры истории Церкви в просвеще-

³⁷ Ср.: Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 113–137.

³⁸ Впрочем, это была устойчивая традиция историков Московского университета. Даже выходцы из духовного сословия П. Н. Кудрявцев и С. М. Соловьев подвергли жесточайшей критике среду, из которой они происходили. Иванцов-Платонов также ратовал за внесловность русского духовенства.

нии студенчества Московского университета и с формированием программы подготовки студента-историка, его не занимали, собственных инициатив у него не было. Деятельность Лебедева пришлась на эпоху «расколотого университета», ситуацию революционных перемен.

В результате вопрос о «секуляризации» церковной кафедры вновь стал после смерти Лебедева. В 1908 г. В. О. Ключевский, ссылаясь на прецедент с Корелиным, а также на то, что в Московском университете (Н. С. Суворов) и Демидовском лицее в Ярославле (П. В. Гидулянов) кафедры церковного права заняты специалистами с университетской, а не с академической ученой степенью (кафедры «секуляризованы», по выражению Ключевского), призывал последовать этому примеру. Как писал в дневнике А. Н. Савин: «Свободной кафедры нет, кажется, значит, можно пока только поручить кому-либо чтение обязательного курса церковной истории. Кому? Конечно, наши приват-доценты из духовной академии очень захотят этого курса. Но, кажется, их не захотим мы, всеобщие историки. С. А. Котляревский указывал мне на канониста Гидулянова; Р. Ю. Виппер его не знает, но подозревает в нем черного, Суворовского подголоска. Основательно ли только это? Совершенно неожиданно для меня Р. Ю. Виппер заговорил о том, что хорошо было бы поручить курс Котляревскому»³⁹.

Сергей Андреевич Котляревский, ученик В. И. Герье, занимавшийся историей католицизма (магистерская диссертация посвящена средневековым монашеским орденам⁴⁰, докторская — социальному направлению в современном французском католицизме⁴¹), долго выбирал тактику поведения. Поскольку к 1908 г. он уже стал магистром права⁴² и готовил докторскую диссертацию по этой дисциплине, то свои карьерные планы он связывал с юридическим факультетом. Кроме того, ученый только вышел из заключения за подпись под Выборгским воззванием кадетов, что делало затруднительным его утверждение в должности в министерстве. При этом сам Котляревский серьезно раздумывал об открывшейся возможности занять кафедру церковной истории, обсуждавшейся и на Совете факультета, и на Совете университета.

В результате среди профессоров-историков разгорелась борьба: Котляревский и Савин отстаивали кандидатуру П. В. Гидулянова, преподававшего в юридическом лицее в Ярославле. При этом Котляревский соглашался читать часть курса церковной истории сам, а также рассматривал возможность приглашения на кафедру С. Н. Булгакова⁴³, в то время как Р. Ю. Виппер и Д. М. Петрушевский

³⁹ Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. М., 2015. С. 31–32.

⁴⁰ Котляревский С. А. Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. М., 1901.

⁴¹ Котляревский С. А. Ламенне и новейший католицизм. М., 1904. Рец.: Сторожев В. Аббат Фелисите де Ламенне и его новый биограф // Русская мысль. 1904. Кн. 10. С. 92–113.

⁴² См.: Котляревский С. А. Конституционное государство: Опыт политико-морфологического анализа. М., 1907.

⁴³ «Вчера говорил по телефону с С. А. Котляревским. У него всплыл проект посадить на церковную историю С. Н. Булгакова. Не только я, но и Л. М. Лопатин указал ему на полную утопичность проекта. С Гидуляновым дело не ладится. И С. А. Котляревский начинает слегка колебаться. Но ему очень трудно уйти от политики. Я не знаю хорошо, насколько велики у него шансы получить кафедру государственного права здесь; думаю, что большие. И конечно,

хотели передать чтение курса какому-нибудь приват-доценту Московского университета, связанному с Московской академией, например А. И. Покровскому.

11 ноября 1908 г. вопрос разбирался на факультетском заседании: «Котляревский присутствует в заседании. Отказывается от временного преподавания. Любавский напоминает о Гидулянове. Котляревский характеризует с похвалой его ученые работы и высказывается за его временное приглашение. Обнаруживается, что и в 1909/1910 г. можно было бы разделить преподавание между Котляревским и Гидуляновым. Виноградов заявляет, что он знает книгу Гидулянова о патриархах⁴⁴ и высоко ее ставит. Тогда Виппер говорит, что отказ Котляревского еще не означает, чтобы было необходимо обращаться к представителю другого факультета, что на историко-филологическом факультете имеются приват-доценты, одному из которых временно и можно поручить чтение... Я встаю и заявляю, что еще в предыдущих заседаниях шла речь о секуляризации кафедры, что эту секуляризацию можно понимать двояко, в смысле секуляризации способа замещения и в смысле секуляризации школы, и что таким образом факультету невольно придется поставить вопрос о школе академической и университетской. Любавский меня поддерживает. Но Виппер ядовито замечает, что принадлежность к школе определяется не окончанием курса в том или другом учебном заведении, а приемами ученой работы, что, например, Гидулянов может быть очень далек от истории, как юрист. Котляревский и Виппер заявляют, что работы Гидулянова по преимуществу исторические... За Гидулянова оказалось 8 (в т. ч., конечно, Виноградов), против 5»⁴⁵. Чуть позже факультет единогласно проголосует за приглашение Гидулянова на ординарную профессию по кафедре, а Совет университета поддерживает эту кандидатуру.

Павел Васильевич Гидулянов был первым преподавателем кафедры церковной истории в Московском университете, который имел ученую степень, полученную вне стен духовных академий. В 1898 г. он окончил юридический факультет Московского университета, в 1900 г. был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре церковного права. В 1903 г. стал приват-доцентом Московского университета. 4 декабря 1905 г. Гидулянов здесь же защитил диссертацию «Митрополиты в первые три века христианства» и был утвержден в степени магистра церковного права. С начала 1907 г. Гидулянов преподавал на кафедре церковного права Демидовского юридического лицея и в том же году защитил на юридическом факультете Московского университета докторскую диссертацию.

Однако Гидулянов так и не стал полноправным членом корпорации историко-филологического факультета, поскольку к концу 1909 г. он получил ординарную профессию по кафедре церковного права юридического факультета. Более того, сторонник Л. А. Кассо в Московском университете в 1911 г., он в скором времени стал деканом этого факультета, чем вновь поставил вопрос о замещении кафедры церковной истории.

эта перспектива куда пленительней нашей. Мне бы очень хотелось, чтобы он остался у нас. Но, думается, надежды мало на его согласие» (*Савин. Указ. соч. С. 38*).

⁴⁴ Докторская диссертация Гидулянова, защищенная в Московском университете: *Гидулянов П. В. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов. Ярославль, 1908.*

⁴⁵ *Савин. Указ. соч. С. 58–59.*

Вместо себя Гидулянов предложил медиевиста А. А. Васильева⁴⁶. Министр Кассо разрешил баллотировку на должность. Профессора-историки после совместного заседания согласились с кандидатурой Васильева.

Выпускник кафедры всеобщей истории Санкт-Петербургского университета, ученик В. Г. Васильевского, Александр Александрович Васильев был специалистом по Византии, специально интересовался книжными сокровищами христианских монастырей. В 1902 г. он совершил поездку в монастырь святой Екатерины на Синае. В 1902–1912 гг. ученый преподавал всеобщую историю в Юрьевском университете. Его приглашение в Москву для ожидавших его в университете профессоров-историков стало, как оказалось впоследствии, последней попыткой поставить на кафедру церковной истории профессионального историка. Впервые в практике Московского университета штатную должность должен был получить ученый-византист, которых в Москве практически и не было.

Впрочем, представители историко-филологического факультета имели и запасной вариант. Они готовы были видеть как коллегу на церковной кафедре и специалиста с церковной степенью, но именно по истории. Таким требованиям отвечала кандидатура магистра церковной истории МДА С. И. Смирнова, приват-доцента Московского университета с 1907 г. Однако планам историков в очередной раз не суждено было сбыться, поскольку Васильев от должности отказался.

Вакантная должность профессора церковной истории была замещена по назначению министром Кассо. В качестве своего номинанта министр выбрал специалиста по церковному праву А. И. Алмазова, которому оставалось отслужить по ведомству народного просвещения два года до пенсии. Как ученый Алмазов был известен благодаря магистерской⁴⁷ и докторской⁴⁸ диссертациям. Прежде всего он занимался критической разработкой литургических источников. Историю Церкви профессор предпочитал излагать не исторически, а догматически. Его вступительная лекция в Московском университете этот подход подчеркнула со всей очевидностью. Знакомство профессоров и студентов состоялась 4 октября 1912 г. Современник свидетельствовал: «Студентов собралось немало. С самого начала Алмазов стал на ортодоксальную... точку зрения. Церковь — создание Божьей воли, обладающее безусловной ценностью; только христианская церковь есть создание Божьей воли, неуничтожимое и универсальное. Основные факторы исторического процесса — церковь, государство, национальность... Всего важнее — церковь. Между явлениями церковной истории и явлениями гражданской истории существует постоянное взаимодействие, но церковь влияет на гражданское общество гораздо сильнее, нежели гражданское общество на церковь. Например, только благодаря влиянию церкви исчезло рабство, женщи-

⁴⁶ См.: *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // *Скифский роман* / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 259–286.

⁴⁷ *Алмазов А. И.* История чинопоследований Крещения и Миропомазания (I–XIX вв.). Казань, 1884.

⁴⁸ *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 1–3.

на заняла подобающее жене и матери положение. Самые незначительные догматические различия могут оказать огромное влияние на судьбу гражданского общества, или “сочленения”, по любимому выражению Алмазова. Например, достаточно было церквам западной и восточной разойтись во взглядах на исхождение Святого духа, чтобы жизнь европейского запада и европейского востока потекла совершенно различными путями. В заключение Алмазов поведал, что изучение церковной старины необходимо и по чисто практическим соображениям. Россия стоит накануне коренных церковных реформ, а эти реформы должны быть проведены в согласии с церковными канонами и обычаями⁴⁹.

Отсутствие объяснений о понимании Церкви как социального института вызвало критику со стороны коллег. Так, Савин считал, что «о наукообразном в церковной истории не было сказано ни слова»⁵⁰. Савина смущало отсутствие необходимой для преподавателя факультета исторической подготовки профессора, неумение вести себя со студентами, слухи о «нечистоплотности» профессора в Одессе в бытность там проректором университета в 1910–1912 гг. (профессор покинул эту должность, согласившись переехать в Москву во время ревизии университета, в ходе которой проверялась и его деятельность). Однако коллеги, более близко знакомые с новым профессором и его научными трудами, например М. М. Богословский, отмечали глубокое знание Алмазова как литургиста и усматривали в его взгляде на Церковь определенный шаг вперед по сравнению с имеющимися представлениями о критериях научности преподавателей духовных академий рубежа веков. Впрочем, и Богословский, подытожив свои впечатления об Алмазове, должен был признать, что профессор церковной истории сложно относился к представителям исторического направления в изучении Церкви⁵¹.

При таких общих взглядах на предмет Алмазову, безусловно, было трудно в университете. Сближение между общими историками и кафедрой истории Церкви вновь не состоялось. Исследований по истории Церкви, которые вызывали бы в Москве консенсус у представителей духовных академий и университета, не появилось, а вскоре революционные события 1917–1918 гг., непосредственно затронувшие эти учебные заведения, положили конец прежнему этапу их истории.

Таким образом, с момента основания Императорского Московского университета и до конца его существования в рамках Российской империи преподавание в нем церковно-богословских дисциплин проделало большой и сложный путь. Отправной его точкой явилось формирование двух преподавательских традиций отечественного высшего образования — «духовно-академической» и «университетской», причем внутри последней для церковно-богословских предметов первоначально места не было, но затем, в течение первой половины XIX в., благодаря выпускникам академий Московский университет получил-таки своих первых преподавателей церковной истории и богословия, заполняя вакантные кафедры в меняющейся в соответствии с первыми общеуниверситетскими Уставами структуре преподавания. Однако во второй половине XIX в. вопрос о

⁴⁹ Савин. Указ. соч. С. 248.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. записи Богословского о позиции Алмазова во время защиты докторской диссертации А. И. Покровского в МДА: Богословский М. М. Дневники. 1913–1919. М., 2011. С. 157–160.

противостоянии «академической» и «университетской» традиций встал с новой силой применительно к преподаванию на кафедре истории Церкви историко-филологического факультета. Протоиерей Александр Иванцов-Платонов был первым ученым, который поставил широкий вопрос о назначении этой кафедры для просвещения студентов и о требуемой для этого научной глубине преподавания. В последующем в ходе внутрифакультетских споров столкнулись позиции о неизбежной «секуляризации» этой кафедры, т. е. ее освобождении из-под влияния «академической» традиции, или, напротив, о передаче ее ученым, которые в полной мере укоренены в эту традицию, но тем самым противостоят другим членам факультета и не способны, по мнению последних, в должной мере вести профессиональную подготовку специалистов-историков на факультете. Эти противоречия в Московском университете наложились на общую эпоху реакции, наступившую в 1910-х гг. как следствие политики министра Л. Кассо, и вплоть до 1917 г. так и не нашли своего разрешения.

Ключевые слова: богословский факультет, кафедра церковной истории, секуляризация преподавания, подготовка историков.

TEACHING OF CHURCH AND THEOLOGICAL DISCIPLINES AND HISTORICAL TRAINING IN THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY

A. ANDREJEV, D. TSIGANKOV

The place of church and theology studies in the structure of the Imperial Moscow University (from its origins in 1755 up to 1917) is discussed in this article. The institutional development of the university chairs of theology and of the church history is shown: these chairs were provided by the all-Russian general University Statute 1804 and since then several times changed their faculty position and content. The portraits of the first theology professors in Moscow University are given, the special attention is paid to the radical change of the teaching of these subjects after the introduction of the all-Russian general University Statute 1863, which was connected in Moscow University with a significant activity of archpriest Alexander Michailovich Ivantsov-Platonow, the professor of church history at the faculty of history and philology. The subsequent discussions are disclosed: the university historians attempted to pass this chair to the professor, whose background was not related with any theological Academy. The failure of such an attempt lead afterwards to the loose of significance of the church history courses for the program of special historical training in Moscow University.

Keywords: Faculty of theology, Department of Church history, secularization of teaching, the training of historians.

Список литературы

1. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.
2. *Александренко В. Н.* Проект Богословского факультета при Екатерине II. 1773 г. // Вестник Европы. 1873. Т. 6. №11. С. 301–316.
3. *Герасимов О., диакон.* История Церкви в системе научных дисциплин в российских университетах XIX в. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. М., 2008. Т. 1. С. 353–358.
4. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002.
5. *Посохова Л. Ю.* На перехресті культур, традицій, епох. Православні колегиуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків, 2011.
6. *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.
7. *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006.
8. *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX века. М., 2009.
9. *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012.
10. *Сухова Н. Ю.* «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе в России // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013.
11. Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / Общ. ред. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2012.
12. *Цыганков Д. А., Ильяшенко Н. А.* Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов и историки Московского университета // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1. С. 137–149.
13. *Чесноков В. И.* Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 113–137.